

DOI 10.31063/2073-6517/2018.15-2.13

УДК 330.34:338.1

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ¹

И. С. Кац

Статья посвящена рассмотрению эволюционных закономерностей и механизмов развития институциональных инноваций в общественном секторе. Подробно рассмотрена историческая динамика развития институциональной среды общественного сектора. На основе анализа эволюционной динамики обозначены ключевые этапы институциональных изменений и выделены наиболее значимые институциональные инновации. Исследованы механизмы, определяющие зарождение и развитие институциональных инноваций, среди которых выделены причины, стимулы и барьеры на пути внедрения институциональной инновации, основные этапы ее развития и распространения, а также жизненный цикл институциональной инновации. Отдельное внимание уделено механизмам разработки институциональной инновации, среди которых выделены трансплантация, трансформация и генерация институтов; изучены их особенности и произведен сопоставительный анализ, позволяющий учитывать достоинства и недостатки каждого из подходов в конкретных политико-экономических условиях. Обозначена роль гражданского общества в формировании и внедрении современных институциональных инноваций в общественном секторе, выделены основные участники инновационной деятельности и систематизированы институциональные формы их взаимодействия. Исследована роль некоммерческих организаций в развитии социально ориентированной деятельности, способствующей повышению эффективности функционирования общественного сектора. Отмечены ключевые направления современной динамики институциональной среды общественного сектора, такие как краудфандинг и фандрайзинг.

Ключевые слова: институциональные инновации, социальные инновации, общественные отношения, общественный сектор, общественные блага, эволюционная динамика, социальная функция, институциональный анализ, институты, государство благосостояния, социальный кризис, механизм институциональных инноваций, генерация институтов, трансформация институтов, трансплантация институтов, некоммерческие организации, глобализация, социально ориентированная деятельность

Общественный сектор с древнейших времен является одной из важнейших структур экономики. Однако будучи в основном прерогативой государства, он является одним из наиболее инертных секторов экономики. Общая динамика инновационного развития экономик ускоряется, и вместе с ней возрастает потребность внедрения инновационного подхода в управление общественным сектором, и прежде всего это касается системных, т. е. институциональных, инноваций.

Однако, подчеркивая актуальность данного направления, следует отметить, что институциональные инновации в общественном секторе имеют свою историю, и анализ их эволюции позволяет наиболее отчетливо выявить актуальные направления современных инноваций и эффективно осуществлять их планирование и внедрение. Данной проблеме и посвящена представленная статья.

Прежде всего, следует отметить, что анализ институциональных инноваций в общественном секторе в целом и применительно к России в частности является слабо разработанным направлением современной экономической науки. Отдельные элементы теоретического анализа организации инновационной деятельности в общественном секторе раскрываются в работах М. Даглио, Д. Герсона, Х. Китчена, А. Холдена, С. Браун, Л. Ли, А. Голубевой, Е. Соколовой и других. В исследованиях Е. Гайдара, Т. Мироновой и В. Мельянцева рассматривается динамика развития общественного сектора в мире и в России. Институтам общественного сектора уделено внимание в работах Д. Норта, К. Поланьи, А. Рубинштейна, В. Тамбовцева, Е. Попова, С. Кирдиной, В. Горячева и др. Как отдельное направление исследований выделяется «третий сектор» экономики, включающий гражданское общество и некоммерческие организации, глубоко исследованные в работах Л. Соломона (США) и отечественных ученых Л. Якобсона, С. Кирдиной, В. Беневоленского, А. Канунникова, М. Федоровой и др. Вопросы

¹ © Кац И. С. Текст. 2018.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-06-00281 «Моделирование институциональной среды социально-инновационного развития России».

эволюции социального сектора исследованы и в социологии, в частности, в работах П. Штомпки, И. Вильданова, В. Падерина и др. Трансплантация институтов как один из сценариев инновационного развития в общественном секторе исследована в работах В. Мамаду, М. Де Йонга и К. Лалениса, где раскрываются истоки и основные типы трансплантации, и В. Полтеровича, где рассматриваются основные причины дисфункций. В исследовании Я. Ростовского произведен анализ механизмов и последствий трансплантации институтов в постсоветской Польше, а в работе М. Де Йонга, Е. Латышевой и Н. Гончаровой раскрывается опыт Китая. В работе Д. Фролова и И. Полынцева трансплантация институтов инновационного развития рассматривается применительно к nanoиндустрии.

В представленной работе осуществлена попытка интегрировать вышеперечисленные направления исследований, выделить закономерности эволюции институциональных инноваций в общественном секторе и произвести анализ институциональных условий трансплантации, трансформации и генерации инноваций в целях социально-инновационного развития общественного сектора.

Эволюция государства и его социальных функций

Формирование общественного сектора исторически напрямую связано с формированием государства. Первые его проявления зародились еще на первобытнообщинной стадии развития общества и были вызваны потребностями в обеспечении коллективной безопасности. Именно общественные потребности явились прародителем такого явления, как государство. Постепенно его функции расширялись и помимо общественной безопасности включили регуляцию порядка взаимодействия членов общества, организацию устойчивой его структуры, регулирование и защиту экономических интересов граждан.

В разные исторические периоды и в различных странах функции государства, будучи в целом схожими в его базовом проявлении, различались по составу их социально ориентированного наполнения. Так, во времена Римской и Византийской империй социальные функции государства включали воспитание и образование подрастающих граждан, здравоохранение, культуру и спорт, организацию праздников и зрелищ, городское освещение [13]. Чем выше были культурные ценности государства, тем выше было значение и интенсивнее финансирование образовательной и культурной сфер;

чем значительнее были правоохранительные приоритеты, тем лучше обеспечивалась система правосудия; больше внимания уделялось городскому освещению; чем выше была ценность человеческой жизни, чем больше внимания уделялось здравоохранению [21, с. 7].

Так, в ранней Византии существовали муниципальные школы, гимназии, обучение эфэбов, школа атлетов, что постепенно (к V в. н. э.) пришло в упадок, перейдя на систему самофинансирования. Городское освещение, бывшее в период расцвета византийской курии заботой государства, постепенно вменяется в обязанность каждого жителя, а финансирование зрелищных мероприятий переключается с государственного бюджета на плечи ремесленников [13]. Это является типичной иллюстрацией изменения приоритетов и ослабления института государственного управления. Вследствие невыполнения этих функций часть из них взяла на себя церковь, тем самым получив важные управленческие рычаги, приведшие впоследствии к практически полному освоению ею властных полномочий.

Случалось и полное отсутствие социальной функции в государственно организованном человеческом обществе. Социальная защита и обеспечение гражданина являлось задачей самого гражданина или его семьи. Государство лишь гарантировало целостность общества, его защиту от внешних угроз и защиту прав частной собственности для граждан. При этом именно *частная собственность* являлась главным производителем социального эффекта для индивида, им располагающего, и общества в целом, позволяя на основе получаемого от распоряжения объектом собственности дохода удовлетворять свои социальные потребности в частном порядке. Общество же в целом получало полезный суммарный эффект от реализации частных социальных эффектов в виде общего повышения уровня образованности, защиты здоровья и роста социальной удовлетворенности. Граждане же, не участвовавшие в обмене правами собственности, в том числе на рабочую силу, такие как дети, пожилые люди и инвалиды, не имели дополнительной поддержки со стороны государства.

Как отмечает Т.Н. Миронова, государство приобретает устойчивую социальную функцию только по мере обретения прав и статуса самостоятельного собственника ресурсов: «Расширяющееся участие государства в обмене прав собственности развивает и его социальные обязанности, вынуждая воспринимать социальные качества собственника» [16, с. 48].

По мере роста государств и перехода части собственности из личного распоряжения граждан к государству к последнему переходит и новый объем реализуемых им функций. Таким образом, происходит частичное отчуждение социальной функции от собственников ресурсов в пользу государства.

Закрепление социальной функции за государством порождает и эволюцию институтов, с ним связанных. Новая институциональная организация общества позволяет реализовывать социальные функции вне института частной собственности, и даже наоборот, ограничивая действие данного института. Так происходит расширение институтов налогообложения и налогового контроля, за счет которых государство реализует свои социальные функции, а также формирование институтов производства и распределения общественных благ. Государство принимает на себя прерогативу и обязанность перераспределения частных средств от обеспеченных граждан в пользу нетрудоспособных и нуждающихся, поддержания в обществе минимального и общедоступного уровня социальных благ.

Несомненно, с древних времен защита нуждающихся и неимущих граждан была областью частной и коллективной благотворительности. Первые институты социальной взаимопомощи начали формироваться еще в средние века в сельских общинах, ремесленных цехах и гильдиях. Пробразом современного социального страхования явились гильдии ремесленников, которые создавали общие кассы, куда их члены вносили определенные взносы и впоследствии могли рассчитывать на материальную поддержку в случае травмы или болезни.

В начале XVII в. в Англии создается система помощи неимущим на базе церковных приходов, которые должны были содержать богадельни для инвалидов и престарелых, а также трудоустраивать малоимущих и безработных граждан. В конце XVII–XVIII вв. возникают общества, основанные на принципах современного страхования, похоронные и пенсионные кассы.

Поворотным моментом в отношении развития институтов поддержки малоимущих послужили промышленная революция и массовая индустриализация. В этот период происходит развитие профсоюзного движения на основе диверсификации социальной функции частной собственности на отраслевом уровне. Однако лишь в конце XIX — начале XX в. начали формироваться системы обязательного социального страхования под эгидой государства.

Первая такая система была создана в Германии в 1880-е гг. по инициативе О. Бисмарка. Именно этот период является основанием современного общественного сектора в том виде, в каком мы его наблюдаем в настоящее время, с расширенным спектром общественных благ и финансированием социальной сферы.

В 1870 г. в Англии впервые было законодательно установлено право каждого ребенка на получение школьного образования. Вслед за Великобританией массовое образование вводит Пруссия, что приводит в совокупности с введением общей воинской обязанности к беспрецедентным успехам в военном деле. При этом инвестиции в общее образование позволяют странам не только укреплять боевую мощь на основе ускоренной военной подготовки образованного населения, но и значительно опережать другие страны в развитии экономики и научно-технического прогресса. В результате за век с небольшим (1800–1913) средняя продолжительность обучения повысилась в Италии с 1,1 до 4,8 года, в Японии — с 1,2 до 5,4, во Франции — с 1,6 до 7,0, в Великобритании — с 2 до 8,1, в США — с 2,1 до 8,3, в Германии — с 2,4 до 8,4 года [14, с. 223].

В годы Первой мировой войны государства начинают регулировать размеры арендной платы за жилье, позднее — выделять субсидии на строительство и сдачу внаем жилья ветеранам войны и малоимущим [16, с. 50]. Период после Первой мировой войны ознаменовался развитием таких социальных институтов государства, как пенсионное обеспечение, страхование по временной нетрудоспособности и потере работы, медицинское страхование и т. д.

Несомненно, беспрецедентный по тем временам охват социальных функций продемонстрировал Советский Союз, впервые в мире объявивший всеобщую доступность образования и здравоохранения, социальные гарантии трудоустройства и защиты нетрудоспособности. В капиталистическом мире создание национальной системы общедоступного здравоохранения впервые произошло в Англии лишь после Второй мировой войны под влиянием идей У. Бевериджа. Он считал, что для избавления общества от нищеты, болезней, невежества и праздности правительство должно обеспечить людям адекватные доходы, здравоохранение, образование, а также жилище и занятость.

Эти идеи заложили основу феномена «государства благосостояния» («*welfare state*»), сложившегося в развитых странах в 1950–1970-е гг. Модель государства, гарантирующего определенный уровень благосостояния всем своим

Таблица 1

Доля государственных расходов в совокупном национальном доходе в соответствующие исторические периоды, %

Страна	1816–1859	1860–1893	1894–1913	1919–1935	1946–1960	1961–1985
Франция	3,6	3,9	3,6	12,5	22,5	28,8
Великобритания	6,4	3,8	3,6	23,4	34,4	40,9
Россия	—	3,6	3,6	23,4	56,7	51,7
США	0,6	1,8	0,7	4,0	19,8	22,9
Аргентина	—	—	3,6	7,0	20,0	14,8
Китай	—	2,0	3,0	2,8	3,1	29,5
Япония	—	3,3	5,1	9,4	13,6	15,1

Источник: Шарипова Е., Чабакаури Д. Государственная политика и структура бюджета: анализ бюджетного развития экономик переходного периода и развитых стран. М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://contact.iet.ru/files/text/confer/2004_09_13-14/sharipova_ru.pdf.

Таблица 2

Динамика расходов на социальное страхование в европейских странах в 1900–1980 гг. (в % к ВВП)

Страна	1930	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980
Австрия	4,4	6,5	7,6	8,6	10,8	11,7	12,3	13,6
Великобритания	4,6	6,7	6,0	5,3	7,9	8,7	10,4	10,0
Дания	2,6	5,2	6,4	7,5	7,6	10,2	14,7	17,9
Нидерланды	1,5	3,7	4,7	7,3	10,3	13,9	17,6	20,2
Норвегия	1,0	3,9	4,8	6,5	8,3	11,7	14,3	15,9
Франция		4,8	5,5	6,0	8,0		13,8	15,9
Швеция	1,1	5,4	6,9	7,8	9,4	13,9	17,9	21,7

Источник: Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://knigi.link/ameriki-evropyi-istoriya/evropa-ekonomika-obschestvo-gosudarstvo.html>.

гражданам, реализовывалась в рамках кейнсианской экономической политики, подразумевавшей активное и обширное государственное регулирование экономики. «Государство благосостояния» предоставляет условия для общего и профессионального обучения граждан, лечение, поддержку и перераспределение их доходов, получаемых во время трудовой активности, в пользу периодов нетрудоспособности, а также гарантирует получение дохода, достаточного для обеспечения прожиточного минимума.

С этого периода доля социальных расходов государства в общих его расходах начала стремительно возрастать. И происходило это на фоне экспоненциального роста самих государственных расходов (см. табл. 1).

Так, зарождение государственной системы социального страхования, обозначившееся в 1930-е гг. и охватывавшее на тот момент около 30 % трудоспособного населения, привело к формированию отдельной статьи бюджетных расходов, составлявших в среднем около 2 % ВВП. В эпоху расцвета «государства благосостояния» эти расходы составляли уже около 17 % ВВП и охватывали 100 % работающего населения (см. табл. 2).

Для примера также приведем данные по динамике расходов на здравоохранение (табл. 3), также имевших тенденцию к росту в течение XX века.

Формирование возрастающих социальных норм происходило на фоне высокого роста экономики и динамичного научно-технического прогресса вкупе с относительно низкой нагрузкой экономически неактивного населения (см. табл. 4, 5). Однако очевидна динамика этих показателей: к концу XX века значительно возросли уровень безработицы и доля экономически неактивных граждан, в основном в связи с общей тенденцией старения населения, что обусловило непосильную нагрузку на бюджеты. Ослабление темпов экономического роста также сыграло свою роль в этом процессе. Экономически развитые страны столкнулись с необходимостью пересмотра государственной системы социальных стандартов и поиска новых институциональных механизмов ее обеспечения.

Так, во многих развитых странах на рубеже XX–XXI вв. были проведены реформы, направленные на сокращение затрат на социальную сферу, в том числе сокращение продолжительности выплат пособий по безработице, повышение пенсионного возраста и его при-

Таблица 3

Доля расходов на здравоохранение в ВВП, %

Год	Страны				
	США	Франция	Япония	Германия	Великобритания
1960	5	—	3	—	—
1970	6,9	—	4,5	6,2	4,5
1980	8,7	—	6,4	8,7	5,6
1990	11,9	8,6	5,9	8,5	6
1991	12,6	8,8	5,9	—	6,5
1992	13	9	6,2	9,9	6,9
1993	13,3	9,4	6,4	9,9	6,9
1994	13,2	9,4	6,7	10,2	7
1995	13,3	9,5	6,8	10,6	7
1996	13,2	9,5	6,9	10,9	7
1997	13	9,4	6,8	10,7	6,8
1998	13	9,3	7,1	10,6	6,9
1999	13	9,3	7,5	10,6	7,2
2000	13,1	9,3	7,6	10,6	7,3
2001	13,9	9,5	—	10,7	7,6

Источник: <http://www.oecd.org>.

Таблица 4

Доля безработных в численности экономически активного населения (сглаженная средняя по десятилетиям для крупных развитых стран, 1961–2000 гг.), %

Годы	Германия	Франция	Великобритания	Италия	Япония	США
1961–1970	0,79	1,80	1,68	5,02	1,24	4,55
1971–1980	2,64	4,23	3,87	6,46	1,75	6,28
1981–1990	6,21	9,30	9,79	10,31	2,50	6,99
1991–2000	8,10	11,07	7,95	11,05	3,30	5,53

Источник: Employment Outlook and Analysis, Labour Market Statistics Data, Query — LFS by sex. <http://www.oecd.org>.

Таблица 5

Доля населения в возрасте старше 65 лет, %

Страна	1800	1850	1900	1930	1950	1975	2000
Англия		4,64	4,66	7,42	10,73	13,95	15,86
Германия		7,67	4,88	5,69	9,72	14,84	16,31
США	11,85	4,13	4,04	5,39	8,26	10,46	12,28
Япония		11,54	10,96	9,37	4,94	7,88	17,21

Источник: Гайдар Е. Богатые и бедные. История пенсий // Вестник Европы. — 2003. №10 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/10/gaid2.html>

вязка к ожидаемой продолжительности жизни. Несмотря на то, что североевропейские страны по-прежнему декларируют свою верность идее «социального государства для всех», в реальности происходит постепенное смещение акцента в сторону идей социального инвестирования, в соответствии с которыми государство должно заботиться не столько о выравнивании доходов, сколько о повышении качества человеческого капитала [23, с. 11].

В Европе и Америке происходит существенная трансформация общественных институтов. Их цель — повысить их эффективность и сократить государственные расходы, которые в условиях рыночной экономики практиче-

ски достигли своего потолка. Государство полностью или частично уходит из многих сфер деятельности. И в то же время растет концентрация его ресурсов в тех областях, которые изначально выпадают из сферы рыночных отношений. Главным направлением воздействия государства на экономический рост сегодня стало повышение качества человеческого капитала. На первый план теперь выступают улучшение системы образования, подготовки и переподготовки кадров рабочей силы, решение проблем безработицы, совершенствование системы здравоохранения.

Значительной остается роль государства в финансировании и организации научной

сферы. Доля государственных расходов (прежде всего, на поддержку фундаментальных исследований) в развитых странах Европы составляет 40–55 % (в Японии — примерно 20 %). При этом все большее развитие приобретают смешанные формы финансирования. Правительства развитых стран, стремясь максимально сконцентрировать фундаментальные научные исследования, поощряют создание особых «технологических полюсов», или «технологических парков», вокруг крупных университетов, институтов и исследовательских центров [18].

Вопросы социальной политики, ее модернизации выходят, таким образом, в число главных вопросов, на которые сегодня стараются найти ответ правительства и общественность большинства развитых стран мира. Главная проблема современной Европы, полагает известный французский социолог Ален Турен, состоит в том, что большинство здравомыслящих людей понимает необходимость структурных изменений в государстве благосостояния, но не готово поступиться предоставляемыми этим государством благами. Люди чувствуют, что назрела принципиальная ревизия тех принципов, на которых базировалась Европа в последние десятилетия, но не могут принять чисто либеральных методов управления обществом, даже если эти методы и способствуют большему успеху на мировом рынке [25, с. 43].

Вехи эволюционной динамики институциональных инноваций

Как показал проведенный анализ эволюции, институциональное оформление общественного сектора значительно изменялось с течением времени. Первоначально отчуждаемые в пользу государства нормы, правила и механизмы предоставления общественных благ приобретали все большую автономию и разнообразие, сопровождаясь ростом разнообразия самих социальных благ и функций, обеспечиваемых государством. При этом каждый новый этап становления общественного сектора сопровождался соответствующими институциональными инновациями. Общая динамика институциональных преобразований в секторе общественных благ представлена на рисунке 1.

Представленное разделение институциональных изменений на три этапа характеризует переход системы функционирования общественного сектора на качественно иной уровень по сравнению с предыдущим. Как отмечает П. Штомпка, переход социальной си-

стемы из одного качественного состояния в другое заключается в изменении состава системы, структуры взаимодействий, интересов, норм, идей, в изменении функций, выполняемых составными элементами общества, границ системы, а также изменении окружения [31, с. 455–456].

Первый этап характеризует становление системы общественного сектора и характерен для длительного периода развития общества вплоть до XVIII–XIX вв. Как стартовая позиция институциональных изменений обозначены общественные отношения, так как именно формирование общества с его неформальными механизмами саморегулирования явилось основой выделения социальных функций. Следующим значимым этапом явилось формирование неформальных коллективных объединений, на основе которых впоследствии сформировалось государство. Как отдельная значимая веха развития общественного сектора обозначено формальное закрепление института частной собственности, сущность и роль в развитии общественного сектора которого были описаны выше.

Окончание первого этапа и переход ко второму связаны с промышленной революцией, кардинально переменившей весь общественный уклад. Подобные изменения, приводящие к разрыву старых и формированию новых общественных связей и систем, получили название социальных кризисов [4, с. 202]. Существенное переустройство общества характеризовалось огромным количеством институциональных трансформаций, таких как выделение наемного труда, урбанизация, индустриализация, научно-технический прогресс, детрадиционализация общества и многие другие. Это явление обострило социальные проблемы, что, несомненно, отразилось на структуре общественного сектора. В целях разрешения огромного количества общественных проблем сформировался прочный институт общественной (государственной) собственности, а также государственный институт социального обеспечения, включающий весь спектр новых (современных) функций государства. На основе государственной собственности и расширенного объема взятых на себя государством социальных функций стали создаваться государственные предприятия.

Третий этап характерен для современного общественного сектора, и переломной вехой для его формирования послужил кризис «государства благосостояния», когда дальнейшее развитие общественного сектора в том же на-

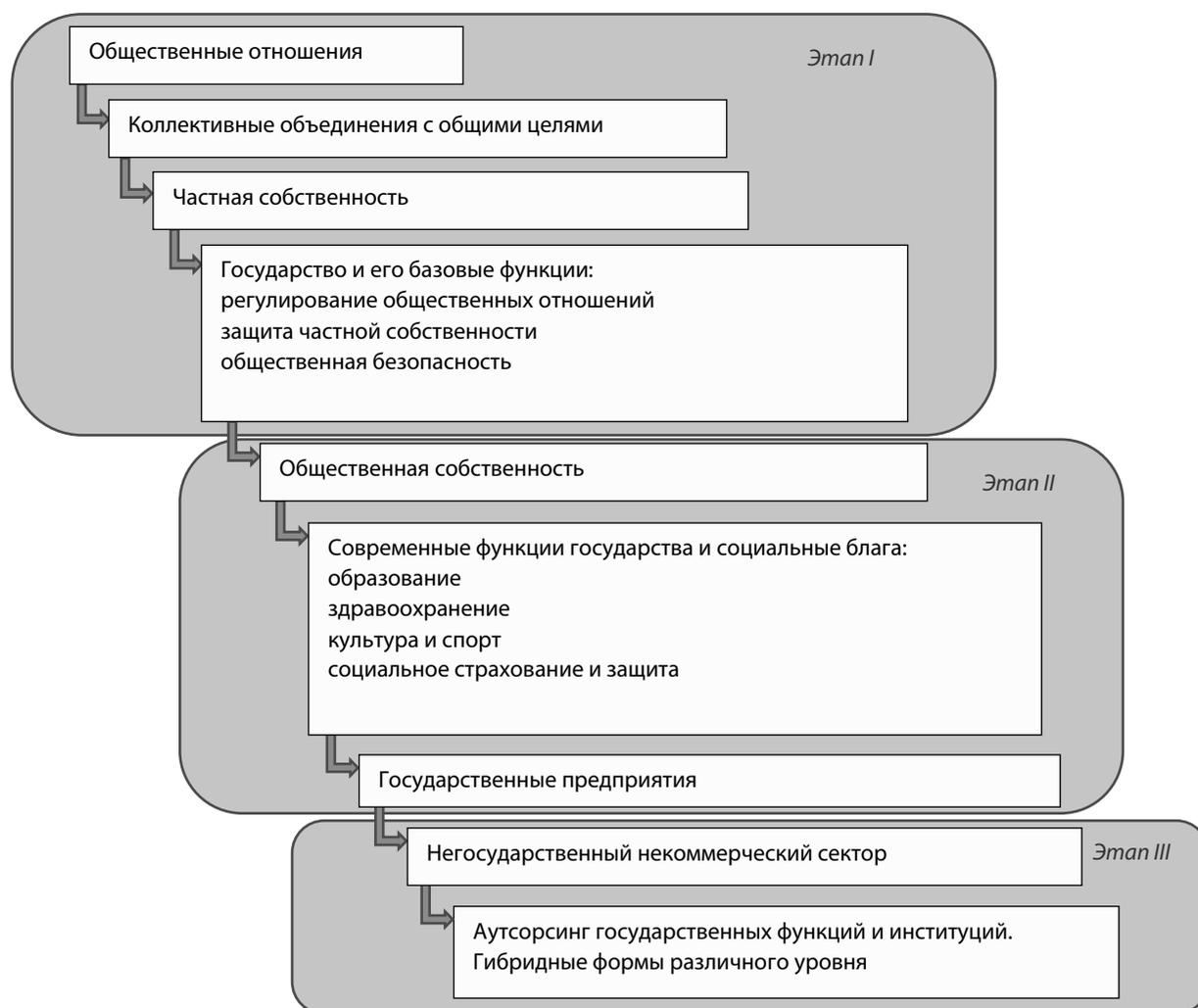

Рис. 1. Эволюция институциональной среды общественного сектора

правлении стало очевидно невозможным. Этот этап совпадает с информационной революцией, сформировавшей новый тип культуры и общественных отношений, глобализацию, информатизацию и многие другие изменения, и с новой силой обозначившей рост социальных проблем, таких как экология, миграции, старение населения, расслоение общества, обострение национальных, гендерных и культурных противоречий. Государство в силу своей инертной природы не справляется с новыми видами социальных проблем. Усиливают провалы государства и непосильные финансовые обязательства, стоящие перед современными правительствами, описанные выше. На этом фоне наиболее значимыми институциональными преобразованиями являются формирование негосударственного некоммерческого сектора и аутсорсинг государственных функций, а также поиск новых гибридных форм взаимодействия государства и общества в решении социальных задач.

Несомненно, представленная схема не претендует на всеобщность. Она призвана скорее обозначить основные тенденции, нежели полностью описать институциональную среду общественного сектора и ее эволюцию.

Механизмы институциональных инноваций

Выделенные эволюционные закономерности позволяют провести анализ механизмов, определяющих зарождение и внедрение институциональных инноваций. Однако для того, чтобы выявить общие механизмы, характерные для институциональных инноваций на всех обозначенных исторических этапах, следует акцентировать дополнительно внимание на том, какие именно инновации относятся к институциональным, и какие институциональные изменения можно считать инновацией.

Устоявшегося определения этого понятия пока не существует, а исследования этого феномена немногочисленны. У. Хак, исследуя это явление, справедливо подмечает, что ин-

ституты и институциональные инновации сродни искусству: чем больше их стараешься определить, тем неуловимее становится их смысл [37]. Дж. Хагель и Дж. Браун определяют институциональные инновации в контексте организации: «Институциональные инновации позволяют организациям изменять свою структуру, чтобы увеличивать знания и генерировать более существенные инновации на новых уровнях, включая продукты, бизнес-модели и системы управления» [36]. В. Горячев отмечает, что институциональные инновации представляют собой процесс смены правил и механизмов принуждения к их исполнению, проявляющийся в изменении состава и структуры трансакционных и трансформационных издержек [7].

Наиболее интересным, на наш взгляд, определением институциональных инноваций можно считать определение Р. Раффаэлли и М. Глинн, данное ими в одноименном исследовании [43]. Под институциональными инновациями они понимают новые, полезные и оправданные изменения, которые трансформируют когнитивные, нормативные или регулятивные основания организационной структуры. Основное отличие институциональных инноваций от инноваций в целом, отмечают они, состоит в том, что они 1) касаются норм или ценностей; 2) имеют возрастающий эффект с течением времени; 3) определяют социальные отношения и вплетаются в культуру; 4) связаны с логикой, формирующей практическую деятельность; 5) авторитетны, оправданны и заслуживают доверия.

Экстраполируя эту позицию на общество в целом, под институциональными инновациями можно понимать существенные изменения, трансформирующие механизмы взаимодействия агентов или общественных структур. Как правило, институциональные инновации в общественном секторе являются непосредственным ответом общества на социальные кризисы локального, государственного или общемирового уровня. Таким образом, это инновации: 1) касающиеся социального пространства; 2) существенным образом изменяющие механизмы взаимодействия агентов; 3) направленные на решение социальных проблем. Здесь возможно оговориться, что, несомненно, истоками институциональных инноваций в общественном секторе могут быть проблемы и экономического, и политического характера. Однако, по нашему убеждению, любые экономические и политические проблемы становятся основанием для институциональной

трансформации общества лишь в том случае, если в их результате возникают проблемы социальные.

И в этом отношении институциональные инновации близки по своему содержанию термину «социальные инновации», изученному в работах М. Янга, П. Друкера, Дж. Мулгана, П. Коха, Дж. Хукнеса, Дж. Филаса, М. Мура, Р. Нельсона, Л. Эрла, А. Голубевой, Е. Соколовой и других, а также коллектива уральской школы социальных инноваций (см., напр. [11, 20]). В подтверждение этого А. Веретенникова и Ж. Омонов отмечают, что социальные инновации, ориентированные на решение социальных проблем, а также приводящие к трансформации поведения экономических агентов, тесно связаны с институциональными изменениями [3, с.18].

Как пишет А. Царев, «социальные инновации охватывают все социальное пространство. В центре внимания социальных инноваций находятся не технологии, а люди, их отношения, интересы, потребности и цели. Их главная цель — при помощи новых средств содействовать решению тех или иных социальных проблем, нести социальный, культурный, нравственный эффект, вызывая вместе с тем социальные и другие изменения» [29, с. 65]. По словам Ф. Мулэ, социальные инновации рассматриваются как трансформационная сила, которая способна изменить локальные взаимоотношения между индивидами и социальными группами [40] в ситуациях, когда имеет место кризис, как ответ на невнимание к определенным нуждам как со стороны общественного сектора, так и со стороны бизнеса [41, с. 2042].

Конечно, как и социальные инновации, институциональные инновации выходят далеко за рамки общественного сектора. Их актуальность имеет место и в бизнесе — как на уровне фирмы, так и в сфере межгосударственных экономических отношений, и в иных сферах. Ограничивая предмет исследования общественным сектором, мы, тем не менее, хотели бы обозначить общие, характерные для институциональных инноваций, механизмы, определяющие их зарождение, развитие и функциональную эффективность.

Среди всего спектра причин, обуславливающих институциональные инновации, исследователи выделяют следующие. Согласно неоклассическому подходу Д. Нортона, Х. Демсеца и других, основным толчком институциональных изменений служит *цена на ресурсы* [17]. Изменение относительных цен на ресурсы перераспределяет прибыли в обществе, что обу-

словливает изменение во взаимоотношениях между контрагентами. Кроме цен на ресурсы, Д. Норт выделяет в качестве самостоятельного фактора *изменение вкусов и предпочтений* потребителей. Согласно теории Й. Шумпетера, главным фактором институционального развития является инновационная деятельность предпринимателей и других активных членов общества [32]. При этом в своей книге Д. Норт отмечает, что основной причиной изменения цен на ресурсы является именно инновационная деятельность и появление новых технологий.

С нашей точки зрения, в современном обществе таких факторов, помимо технологических изменений, существует множество, включая ожидания, политические акции и другие. С. Кирдина выделяет среди таких факторов развитие материально-технологической среды, увеличение масштабов производства, вовлечение новых ресурсов в хозяйственную деятельность, развитие новых технологий, рост экологических и иных ограничений, диктующих более изощренные способы решения проблем, расширение социальных потребностей и культурных запросов проживающего на территории государства населения, как вследствие личностного роста, так и в ходе процессов социального сравнения, когда население знакомится с иными, более совершенными культурными образцами и старается их достичь [12, с. 165].

По характеру производимых изменений стимулы (факторы) к внедрению институциональных инноваций в общественном секторе могут быть разделены на две основные группы: инновационный толчок и инновационное давление [6, с. 43]. Основное различие между ними состоит в том, что инновационный толчок рождается инициативой «сверху», т. е. требует активных действий по зарождению инновации и ее внедрению. Инновационное давление же формируется «снизу» и является в большей степени пассивным источником, отражающим актуальность инновации, но не имеющим конкретных инновационных стратегий и механизмов. Как было обобщено в нашей предыдущей работе [11], источниками инновационного толчка могут быть:

- политики и политические цели;
- общественность;
- международные соглашения, законы, правила и стандарты;
- фундаментальные и прикладные исследования и разработки;
- иные социальные события.

В качестве источников инновационного давления могут выступать:

- изменение потребностей и предпочтений населения;
- стагнация и возрастающее недовольство функционированием общественного сектора;
- лоббизм.

Однако не всякий инновационный толчок и инновационное давление приводят к зарождению институциональной инновации. Поскольку институты, пожалуй, самая инертная из сфер экономического развития, каждая институциональная инновация сталкивается с множеством факторов, ее тормозящих, начиная с этапа ее зарождения и вплоть до окончания ее функционирования. Как и любое изменение, каждая институциональная инновация имеет своих сторонников и противников — агентов, чьи интересы в результате ее внедрения будут не учтены и/или ущемлены. Кроме того, общество в целом по своей природе консервативно, и даже очень перспективное изменение, учитывающее интересы большинства, зачастую сталкивается с серьезным сопротивлением общественности.

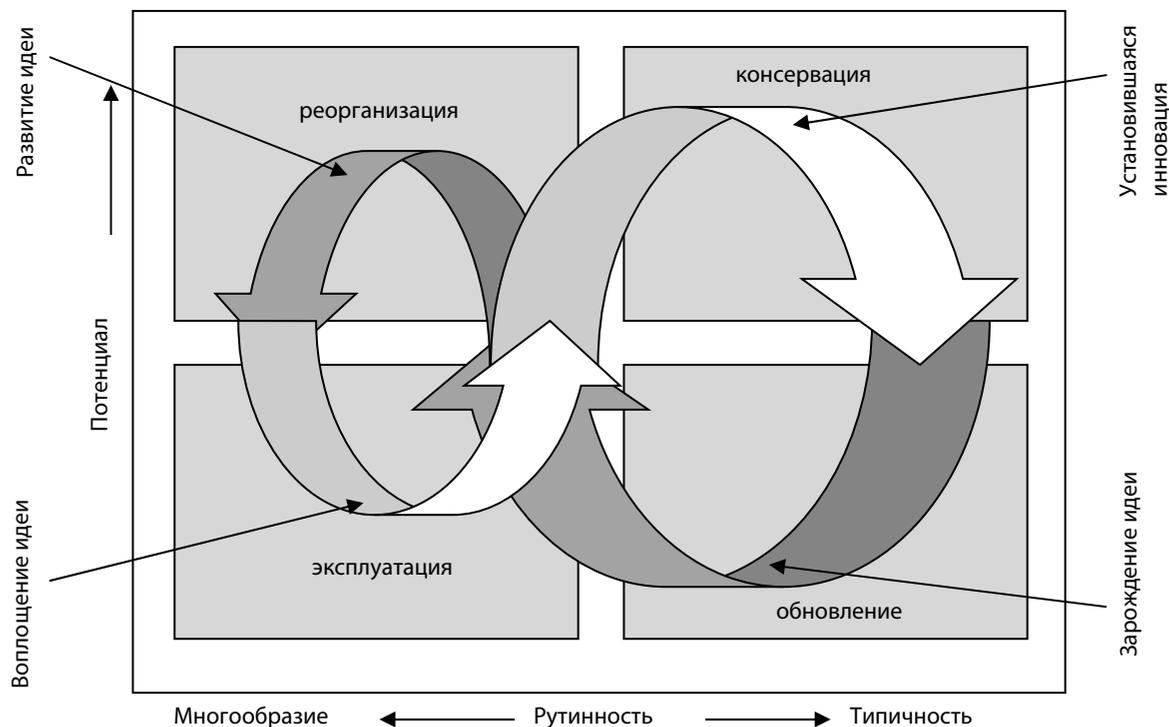
Более глубокому исследованию причин и факторов, действующих на институциональных рынках, а также формированию соответствующих моделей, взвешивающих интересы различных групп акторов, посвящены работы В. Раттена и Ю. Хайями, Г. Лайкепа, Дж. Найта, В. Тамбовцева, С. Кирдиной и некоторых других исследователей.

Обобщая весь спектр ограничений, тормозящих институциональные инновации в общественном секторе, можно объединить их в три группы: экономические барьеры, политические барьеры и культурные барьеры.

Таким образом, под влиянием того или иного инновационного стимула и через преодоление ряда барьеров зарождается институциональная инновация. При этом существуют три основных механизма ее разработки:

- заимствование, или трансплантация;
- корректировка существующего института, или трансформация;
- создание принципиально нового института, или генерация.

Выбор механизма разработки инновации определяет успех производимых изменений, так как каждый из этих механизмов обладает своими достоинствами и недостатками, вызывающими актуальность его применения в конкретных институциональных условиях, поэтому на различиях в их осуществлении мы остановимся подробнее.

Рис. 2. Адаптивный цикл институциональной инновации

На этапе распространения («вживления», «укоренения») нового института важно выделить два принципиально различных механизма: государственное принуждение к использованию, предполагающее выбор нового института через механизм политического рынка, и добровольное принятие хозяйствующими субъектами нового правила через механизм рынка институтов [24, с. 48–49]. По сути, в результате прохождения данного этапа определяется степень формальности института: для формального принуждения к исполнению институциональной нормы необходимы непосредственное участие и инициатива государства, тогда как институты, зарождаемые «снизу», носят неформальный характер, хотя и бывают, при этом, более устойчивы, масштабны и эффективны.

Характеризуя развитие и распространение уже внедренных инноваций, следует отметить то, что, как и инновации в большинстве сфер, они осуществляются в соответствии с центроориентированной моделью Дж. Фридмана. Сущность ее состоит в том, что центрами зарождения и развития инноваций становятся территориальные центры как центры концентрации всех видов ресурсов. Являясь центрами притяжения ресурсов, эти территории определенным образом ослабляют экономическое развитие периферии. Однако будучи генераторами инноваций, в том числе институциональных, центры распространяют инновационную активность на перифе-

рию, способствуя ее инновационному развитию и тем самым стимулируя ее экономический рост, формирование общественных гарантий и социальное благоустройство.

Успешность внедрения и распространения инновации, однако, не означает окончательного этапа ее формирования, институт представляет собой живой организм, реагирующий на любые изменения в экономической, политической и культурной среде общества. Поэтому любая институциональная инновация в своем развитии переживает трансформационные изменения. Жизненный цикл институциональной инновации, в соответствии с наглядным представлением Френсис Уэсли [46], продемонстрирован на рисунке 2.

Как видно из рисунка, даже установившаяся инновация рано или поздно исчерпывает свой потенциал и нуждается в обновлении. Процесс обновления снижает рутинность, однако позволяет вновь повысить потенциал использования института, постепенно обретающего новое воплощение и переходящего на новый стабильный уровень. Фазы обновления и реорганизации представляют собой обратную петлю, в которой формируются нерутинные изменения. Фазы эксплуатации и консервации представляют собой прямую петлю, в которых изменения медленны, постепенны и обдуманны.

Таким образом, каждая институциональная инновация проходит в своем развитии опре-

деленные этапы, и ее зарождение, развитие и распространение происходят в соответствии с обозначенными механизмами. Каждый из этих механизмов имеет важное значение, однако в контексте эволюции институциональных инноваций особенно важно рассмотреть механизмы, определяющие разработку инновации, ее источники и практические особенности внедрения, с точки зрения взвешивания достоинств и недостатков в соответствующих исторических условиях.

Трансплантация, трансформация и генерация институтов

Институциональные инновации могут производиться тремя основными способами: трансплантация, трансформация и генерация институтов. И каждый из этих механизмов является востребованным в определенных политико-экономических условиях и имеет свою историю применения.

Наибольший научный интерес в настоящее время вызывает трансплантация, или имитация, институтов. Причина роста публикационной активности на этот предмет связана не столько с новаторским характером этого явления (исторический анализ показывает, что подобные прецеденты существовали еще в древности), сколько с высокой востребованностью его для трансформационной экономики, вызвавшей волну трансплантации институтов в Восточной Европе и странах бывшего Советского Союза.

Однако самым эволюционно закономерным механизмом институциональных инноваций является *трансформация* институтов. Этот этап естественно вытекает из анализа жизненного цикла инновации (см. рис. 2). Каждый эволюционно развивающийся институт переживает фазу изменений, которая, будучи проводимой без дополнительных внешних интервенций, происходит по сценарию трансформации. Главным достоинством этого механизма является его эволюционность, т. е. естественное развитие, позволяющее избежать институциональных конфликтов, ловушек и шоков. Однако этот механизм имеет и свой недостаток: как мягкое течение реки по сравнению с шумным водопадом, этот этап является наиболее медленным по сравнению с другими.

Вторым по глубине вмешательства в институциональную ткань общества механизмом выступает *генерация* институтов. Этот механизм обретает актуальность в условиях, когда существующие институты полностью перестают отвечать потребностям общества. Глубина со-

циального кризиса либо на локальном, либо на макроуровне такова, что общество отторгает сложившийся институциональный механизм, требуя его замены новым, соответствующим изменившимся условиям. Ярким примером таких изменений служит создание Советского государства, плановой экономики и соответствующей ей институтов, ранее не имевших распространения в исторической практике. Достоинствами этого подхода являются его актуальность и своевременность, а также соответствие институциональным потребностям общества и относительная легкость адаптации. Родившись на определенной институциональной почве, такие институциональные инновации, несмотря на революционный характер их внедрения и естественное сопротивление со стороны устоявшихся институтов, как правило, успешны в осуществлении. Главным же недостатком этого механизма выступают высокие издержки его реализации. Внедрение нового института вызывает волну трансформации во всех смежных с ним сферах, что естественно сказывается на экономической составляющей жизни общества.

Наконец, *трансплантация*, или *имитация*, выступает самым сложным, однако не менее перспективным и успешным инструментом институциональных изменений. Он же является и самым спорным в отношении последствий его осуществления. Этот механизм подразумевает заимствование институциональной практики других государств и сообществ и адаптацию его к особенностям территории. И успешность его зависит от степени и глубины адаптационных изменений по сравнению с первоначально трансплантируемым институтом иной территории.

Зачастую в качестве института-трансплантата выбирается наиболее прогрессивный в экономической практике институт, успешно проявляющийся в экономически развитой стране или на территории, являющейся ориентиром в развитии для реципиента. Однако соблазн трансплантации института в том виде, в каком он представлен на территории-доноре, необходимо подвергать критическому переосмыслению. Причиной такой необходимости является различие в институциональном каркасе различных территорий. Каждое сообщество имеет свой институциональный каркас, состоящий из формальных и неформальных норм, и внедрение «чуждого» данной среде института может вызвать волну отторжения и создать непредсказуемые институциональные ловушки.

Именно таким был опыт внедрения ряда капиталистических институтов в постсоветской России и странах советского блока. Исторически быстрая трансформация социалистических систем в капиталистические потребовала революционной замены соответствующих институтов, донорами для которых послужили капиталистические модели западного мира, и успешность их адаптации во многом определялась критичностью власти по отношению к трансплантату¹.

Следует отметить, что дополнительным фактором, оказывающим влияние в ходе трансплантации, выступает влияние территории-донора, чаще всего глубоко заинтересованного в неизменности трансплантируемого института либо минимальности адаптационных мер. Причиной этому служит общая институциональная среда, создаваемая посредством трансплантации, которая открывает новые возможности экономического и политического взаимодействия между территориями и создает дополнительные выгоды для донора (так наз. парадокс передачи [35]).

Преимуществом трансплантации выступают низкие издержки создания института. Поскольку данный институт заимствуется из существующей практики и уже имеет успешный опыт применения, его копирование сопряжено со значительно меньшими издержками, нежели разработка института «с нуля». Однако низкие прямые издержки не всегда означают экономию, так как непредсказуемый результат адаптации института может породить целый ряд отсроченных издержек, связанных с адаптацией институциональной среды к новому институту, в особенности в случае отторжения или мутации трансплантата.

В зависимости от глубины производимых с первоначальным институтом трансформаций и скорости внедрения нового института существуют различные стратегии трансплантации. *Шоковая стратегия* — инновация, осуществляемая с минимальными дополнительными изменениями донорского института и максимально быстрыми сроками его внедрения. Характеризуется наиболее непредсказуемыми последствиями инноваций, вплоть до дисфункции внедряемого института. Как пишет В. Полтерович, эта стратегия в принципе не может гарантировать успех, ибо ограничивается лишь заимствованием формальных институтов [19, с. 40]. Таким был опыт трансплантации институтов частной собствен-

сти, банкротства, прогрессивной шкалы налогообложения и ряда других в постсоветской России, что привело к ряду институциональных ловушек и их мутации. Причинами применения этого подхода послужили короткие сроки трансформации институциональной среды, когда политикам не доставало времени на анализ специфики национального институционального каркаса и адаптацию института, а также международное давление со стороны институциональных доноров.

Другим механизмом является *адаптивная стратегия*. Преимуществом ее является тщательный подбор трансплантата и его изменение в соответствии с потребностями общества. Этот подход очевидно выигрывает по успешности осуществления в сравнении с шоковым вариантом, однако требует глубокого анализа соответствия института-трансплантата институциональному каркасу общества и его модификации, что удорожает процесс трансплантации и увеличивает сроки его внедрения. При этом в качестве трансплантата необязательно выступает актуальный для какой-либо страны институт: это может быть практика, взятая из прошлого и адаптированная к настоящему.

Удобным с точки зрения оценки последствий и адаптации к особенностям территории является *институциональный эксперимент*. Как отмечает В. Полтерович, этот подход показал высокие результаты в китайской практике заимствований, когда различные модификации одного и того же института проходили проверку в различных регионах страны [19, с. 41].

По мнению большинства современных исследователей, в частности Дж. Стиглица [45], наиболее целесообразной является стратегия «выращивания» института. Стратегия «выращивания» подразумевает гибридную форму адаптации нескольких институциональных форм либо в форме создания комбинированного института, либо в форме одновременной трансплантации нескольких конкурирующих институциональных форм и их сосуществования с аналогичными институтами реципиента с целью последующего эволюционного отбора наиболее эффективно прижившейся формы.

Такая практика тоже имеет значительное распространение и обширную историю применения. В частности, именно механизм «выращивания» институтов был применен при создании Евросоюза и Европейского парламента, когда практика различных стран-участниц была объединена с целью поиска общего механизма, из чего родился новый, самостоя-

¹ См. подробнее [19; 44].

Таблица 6

Основные механизмы институциональных инноваций

Механизм институциональных изменений	Специфика	Достоинства	Недостатки
Трансформация	Естественное изменение института под влиянием изменений внешней среды	Эволюционно естественный этап Легкость адаптации к изменениям Низкие издержки осуществления	Медленный характер изменений Узость применения (не всякий институт имеет потенциал трансформации)
Генерация	Революционное изменение института, формирование эволюционно нового института, ранее не имевшего распространения	Исторически закономерное изменение институциональной среды Быстрые темпы институциональных изменений	Революционный характер изменений Высокие издержки осуществления
Трансплантация	Искусственное внедрение институциональной практики другого государства или сообщества на данную территорию	Успешность институциональной практики на других территориях Быстрые темпы институциональных изменений Низкие прямые издержки институциональных изменений	Институциональные конфликты Непредсказуемость изменений институциональной среды Скрытые издержки изменений

тельный и отличный от донорских экземпляров институт со своими специфическими чертами. Такая же практика была применена при создании китайского феномена экологических городов, а также во множестве других институционально-инновационных проектов Китая. Как отмечают М. Де Йонг и коллеги, в Китае как нигде развита практика эклектичного копирования инноваций, где окончательный институт представляет собой «бриколаж», составленный из множества источников, иностранных, а также внутренних [9, с. 144].

Обобщая вышесказанное, выделим основные черты обозначенных механизмов, их достоинства и недостатки (табл. 6).

Очевидно, что на фоне ускоряющейся глобализации и универсализации институциональной среды эти механизмы становятся все более и более востребованными, и практика их применения становится все более совершенной. И происходит это не только на уровне государств и не только по инициативе правительств, но и на локальных уровнях развития общественного сектора, и даже на уровне предприятий.

Новые институциональные формы современного общественного сектора

Рассмотренные выше стимулы к инновационным изменениям становятся все разнообразнее, и все чаще инновации бывают инициированы не сверху, а снизу. И для их успешной реализации, будь то трансформационная

или трансплантационная стратегия внедрения инновации, необходимо широкое разнообразие институциональных форм взаимодействия государства и общества.

Современной тенденцией в отношении эволюции общественного сектора является все большее участие в общественной жизни со стороны отдельных граждан, сообществ, предприятий и некоммерческого сектора. Как правило, все эти группы объединяют под названием «гражданское общество», понимая под ним совокупность акторов, активно участвующих в разрешении социальных проблем путем организации, финансирования или непосредственного осуществления некоммерческой деятельности.

Участие государства в производстве общественных благ на современном этапе экономического развития уже не является приоритетным. На фоне активного сотрудничества государства и общества зарождаются все новые формы кооперации, которые сами по себе являются институциональными инновациями и при этом способствуют созданию новых институциональных инноваций. Варианты взаимодействия государства и акторов гражданского общества достаточно разнообразны и по мере своего развития приобретают формальное закрепление в виде законодательных актов и экономических практик. Основные формы взаимодействия государства и общественных структур, закрепившиеся в насто-

* Потребители объединяются в коллективы, которые способствуют производству товара

** Государство дает указание частной фирме о производстве и предоставлении товара потребителю, который оплачивает его стоимость непосредственно производителю

*** Государство компенсирует частной фирме полностью или частично издержки производства и предоставления товара потребителю

**** Государство выделяет средства потребителю — ваучер, действительный для покупки определенного товара; потребитель сам выбирает производителя

***** Государство заключает договор с компанией о предоставлении товара потребителю, собирает с потребителей плату и передает фирме

***** Государство предоставляет товары потребителю, используя организации государственной собственности

Рис. 3. *Формы взаимодействия акторов в процессе производства общественных благ*

ящее время в России, представлены на рисунке 3¹.

Тенденция к смещению центра производства от государства к обществу получила название «децентрализация». На фоне общемировых тенденций к децентрализации в общественном секторе выделился и приобрел ключевую роль «третий сектор» экономики — социально ориентированные некоммерческие организации. Как отмечает М.Н. Федорова, активное участие социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) способствует обеспечению социального мира, идентификации и решению социальных проблем, развитию социального партнерства человека и государства, многообразию групповых интересов и потребностей, улучшению качества жизни и морально-психологического

состояния граждан, защите и укреплению духовных ценностей [26, с. 78]. Их роль поистине важна — они выступают как посредники во взаимоотношениях между государством, населением и бизнесом.

В российском законодательстве выделены следующие ключевые направления социально ориентированной деятельности СО НКО (рис. 4). Основными направлениями их деятельности являются:

— предоставление общественных услуг населению (например, образовательных и медицинских);

— мобилизация ресурсов для решения социальных задач (различные фонды);

— координация деятельности организаций и населения в целях реализации групповых интересов и формирования институтов производства и распределения общественных благ (учреждения, ассоциации и союзы, общественные и религиозные объединения) [16, с. 47].

Возрастание роли СО НКО отчетливо демонстрирует статистика: государственная поддержка СО НКО с виде субсидий в 2010 г. составила 1 млрд руб., в 2012 — более 1,5 млрд руб., в 2013 — 2,3 млрд руб. [2, с. 157], а в 2015 г. — более 10 млрд руб.². Кроме непосредственного субсидирования государство поддерживает и направляет их деятельность с помощью госзаказов, федеральных и региональных программ, налоговых льгот, премий и грантов, а также стимулирует участие бизнеса и общества с помощью налоговых льгот по благотворительности и меценатству.

Как отмечают В. Беневоленский и Е. Шмулевич, некоммерческий сектор является для государства ценным партнером в осуществлении целей общей пользы, поскольку обладает высокой гибкостью в нахождении решений социальных проблем государственной важности, эффективнее находит доступ к нуждающимся в социальных услугах, располагает способностью привлекать дополнительные, негосударственные ресурсы для решения государственных задач [2, с. 163]. По данным Института Дж. Хопкинса (США), осуществлявшего мониторинг деятельности НКО в 38 странах мира, доходы СО НКО из средств государственной поддержки составляют в среднем 56 %, тогда как 44 % обеспечивается доходами из негосударственных источников³.

² Смертин П. Социально ориентированные НКО в 2015 году получили более 10 млрд рублей // ТАСС. 13 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2734328>.

³ Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, The Comparative Nonprofit Sector Project, Findings by Country.

¹ Подробнее см. [21].

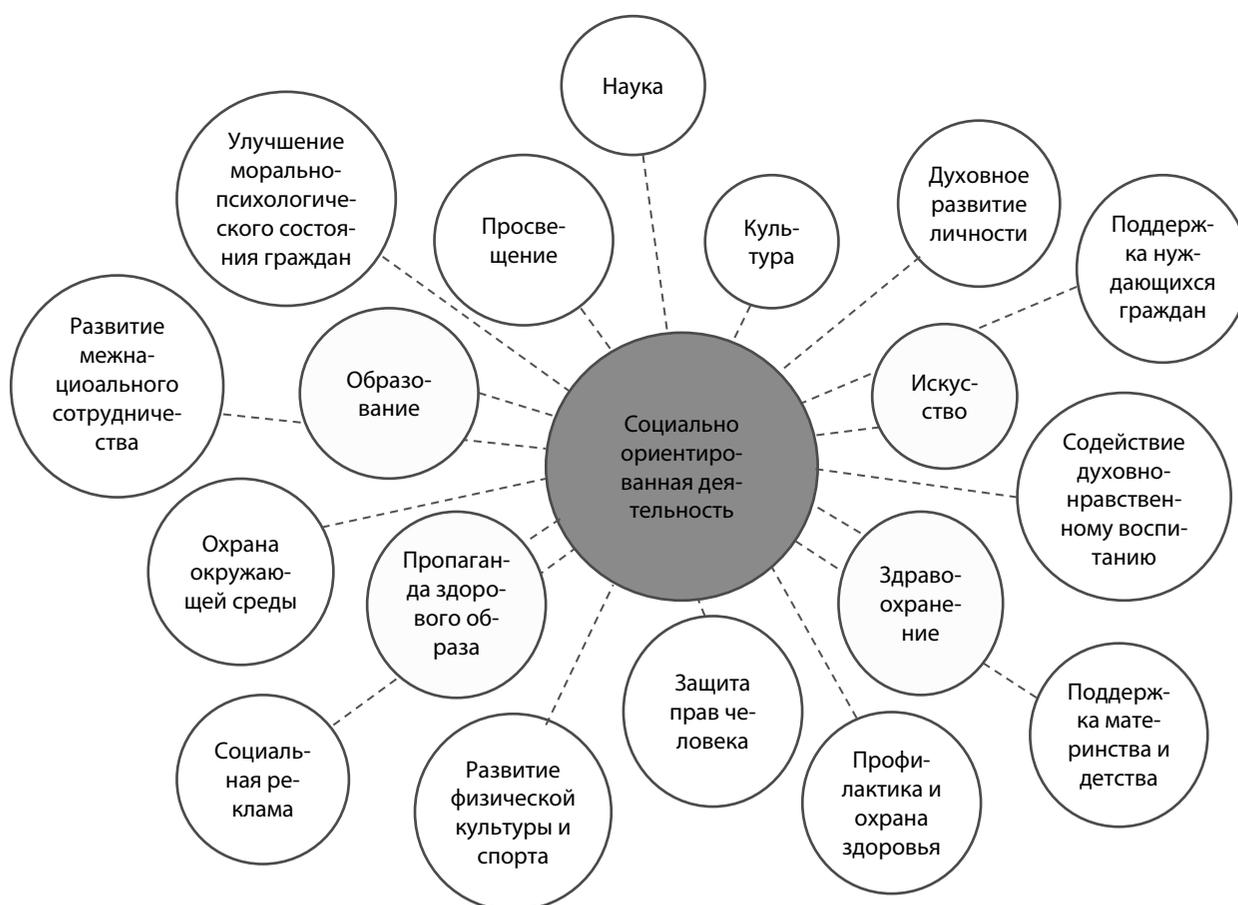

Рис. 4. Направления социально ориентированной деятельности

Формируются специализированные фонды, позволяющие решать огромный комплекс социальных проблем, зачастую минуя государство. Среди таких фондов можно отметить Social Innovation Fund (США), McConnell Social Innovation Fund (Канада), Global Innovation Fund и многие другие. В целом схемы финансирования социально-инновационных проектов представляют собой широкий спектр идей, каким образом может происходить объединение частных и общественных капиталов для достижения общих целей [5, с. 88].

Вместе с тем следует отметить, что низкий уровень прозрачности деятельности НКО нередко вызывает недоверие граждан. Так, по оценке М. Федоровой, лишь треть российских НКО открыли свою финансовую отчетность [26, с. 88]. Мировые тенденции в этом отношении таковы, что открытая и размещаемая на доступных интернет-ресурсах отчетность НКО является обязательным атрибутом их деятельности и залогом успешного развития.

В целях расширенного информирования о своей деятельности все более активно развива-

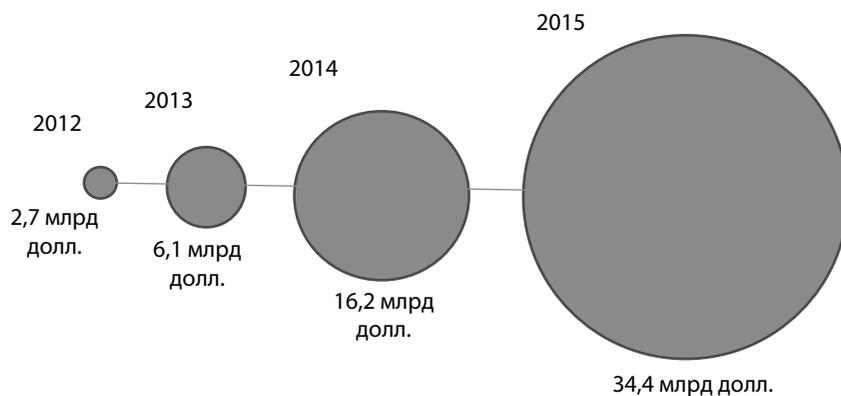
ются платформенные подходы¹ к реализации социальных инициатив, среди которых первоочередное значение приобретают социально сетевые инициативы, флешмоб-активности, фанрайзинг и краудфандинг. По оценке Track Maven, численность населения, вовлеченного в социальные сети, выросла с 14 % в 2010 г. до 31 % в 2017 г.² Благодаря этому все более возрастает роль частного финансирования. Так, в 2016–2017 гг. доля частных вложений в сфере краудфандинга уже составила более 70 % [22, с. 95].

Сам же рост краудфандинга имеет экспоненциальную динамику (представлена на рис. 5). По оценкам Мирового банка, к 2020 г. объем краудфандинга в мире достигнет 96 млрд долл.³

¹ Термин «платформа» используется как обобщающее наименование различных видов многосторонних рынков, объединением разных категорий субъектов для сокращения транзакционных издержек. См. [28, с. 125].

² Burney K. Introducing the 2016 Social Media Inflation Index [Electronic resource]. URL: <https://trackmaven.com/blog/social-media-trends>.

³ CrowdExpert.com 2015 Industry Statistics. February 29th 2016 [Electronic resource]. URL: <http://crowdexpert.com/crowdfunding-industry-statistics>.

Рис. 5. Динамика финансирования краудфандинг-проектов в мире в 2012–2015 гг., млрд долл. (Massolution Crowdfunding Industry 2015 Report [Electronic resource]. URL: http://reports.crowdsourcing.org/index.php?route=product/product&product_id=54)

Таким образом, глобализация значительно расширяет возможности социальных инноваций. Краудфандинг и фандрайзинг, являющиеся сами по себе важнейшими социальными инновациями, открывают огромные возможности реализации социально-инновационных проектов на локальном и глобальном уровнях, задействуя огромные массы населения через социальные и мобильные сети.

Заключение

Рассмотренная эволюция институциональных инноваций позволяет сделать вывод, что история институционального развития экономики богата как положительными, так и отрицательными примерами институциональных трансформаций. Однако экономическая действительность расставляет все на свои места, и лишь успешные институциональные изменения сохраняются как применяемые формы и образуют институциональный каркас общества. Нарботанные за века практики создают базис, на котором основано функционирование современного общественного сектора, а их разнообразие позволяет создавать успешные национальные системы социального обеспечения с учетом специфики общественного разви-

тия, характерной для каждой отдельно взятой территории.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что настоящий период развития общественного сектора, с одной стороны, характеризуется глубоким кризисом традиционных форм обеспечения общественного благополучия, с другой стороны, открывает новые возможности реализации общественно значимых программ и проектов ввиду активного распространения различных форм взаимодействия государства и гражданского общества. Институциональные инновации, пронизывающие современное экономическое пространство и по-новому организующие взаимоотношения между акторами на рынке общественных благ, между сообществами, территориями и странами, открывают огромные перспективы поиска эффективных решений, позволяющих удовлетворять все возрастающие потребности общества в отношении социальных благ, политических процессов и экологических проблем. И более глубокое изучение этих практик позволит принимать эффективные решения по своевременному внедрению тех институциональных инноваций, которые наиболее полно соответствуют общественному запросу и национальному институциональному каркасу.

Список источников

1. Беневоленский В. Б. Особенности эволюции институтов третьего сектора в странах Центральной и Восточной Европы в 1990–2000-е гг. и перспективы институционализации гражданского общества в России // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 2. — М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. — С. 343–351.
2. Беневоленский В. Б., Шмулевич Е. О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 3. — С. 150–175.
3. Веретенникова А., Омонов Ж. Социальные инновации: экономические агенты и их интересы // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2017. — № 9 (155). — С. 16–27.
4. Вильданов И. Э., Падерин В. К. Кризис как показатель назревших социальных изменений // Ученые записки Казанского гос. университета. Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — Кн. 4. — С. 201–207.
5. Гайдар Е. Богатые и бедные. История пенсий // Вестник Европы. — 2003. — № 10.

6. Голубева А. А., Соколова Е. В. Инновации в общественном секторе: введение в проблему // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. — 2010. — Вып. 4. — С. 28–57.
7. Горячев В. П. Взаимосвязь ключевых экономических категорий, применяемых при оценке экономической эффективности институциональных изменений на микроуровне // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 6–2. — С. 1138–1142.
8. Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / ред. А. Е. Лебедев, Ф. Я. Рубинштейн. — СПб.: Алетейя, 2011.
9. Де Йонг М., Латышева Е. В., Гончарова Н. А. Национальная специфика институциональных заимствований на примере урбанистической политики Китая // Известия Томского политехнического университета. — 2014. — Т. 324. — № 6. — С. 140–148.
10. Канунников А. А. «Гражданское общество» как идеологема и инструмент политики // Вестник РМАТ. — 2016. — № 3. — С. 17–22.
11. Кац И. С. Социальные инновации в общественном секторе // Журнал экономической теории. — 2015. — № 3. — С. 219–228.
12. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск, 2001. — 237 с.
13. Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
14. Мельянцева В. А. Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной перспективе: дис. ... д-ра экон. наук. — М., 1995.
15. Миронова Т. Н. Институциональная структура общественного сектора Республики Беларусь // Вестник Полоцкого гос. университета. Серия D. — 2013. — № 6. — С. 45–48.
16. Миронова Т. Н. Развитие социальной функции государства как предпосылка формирования общественного сектора экономики // Вестник БДУ. Серия 3. — 2012. — № 2. — С. 47–52.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997.
18. Осадчая И. Зачем рыночной экономике нужен государственный сектор? // Наука и жизнь. — 2006. — № 6.
19. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3. — С. 24–50.
20. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5 (47). — С. 57–75.
21. Попов Е. В., Кац И. С. Институциональные особенности эволюции сектора общественных благ // Вестник УрФУ. Серия «Экономика». — 2009. — № 5. — С. 4–18.
22. Попов Е. В., Кац И. С. Влияние социальных инноваций на становление стабильной социально-экономической системы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». — 2017. — Т. 11. — № 4. — С. 90–100.
23. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / под ред. Ю. Д. Квашнина. — М.: ИМЭМО РАН, 2016.
24. Тамбовцев В. Л. Теории институциональных изменений: учебное пособие. — М.: Проспект, 2016. — 148 с.
25. Турен А. Если нет демократии, нет и безопасности // Свободная мысль — XXI. — 2005. — № 11.
26. Федорова М. Н. Социально ориентированные некоммерческие организации как субъекты социально-экономической системы: роль в социальной политике // Вестник Института экономики РАН. — 2016. — № 5. — С. 77–91.
27. Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980: пер. с нем. Л. А. Овчинцевой; под науч. ред. Ю. А. Петрова. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 365 с.
28. Фролов Д. П., Полынцева И. Д. Вариационное поле трансплантации европейских институтов инновационного развития // Журнал экономической теории. — 2017. — № 1. — С. 116–132.
29. Царев А. Социальная инновация как универсальное начало общественного бытия // Власть. — 2010. — № 1. — С. 64–66.
30. Шарипова Е., Чабаккаури Д. Государственная политика и структура бюджета: анализ бюджетного развития экономик переходного периода и развитых стран. — М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2004.
31. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
32. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. — М.: Директ-Медиа, 2007.
33. Якобсон Л. И. Российский третий сектор: от импорта к импортозамещению / Некоммерческий сектор: экономика, право и управление. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. — С. 43–58.
34. Daglio M., Gerson D., Kitchen H. Building Organizational Capacity for Public Sector Innovation // Background Paper Prepared for the OECD Conference “Innovating the Public Sector: from Ideas to Impact”, Paris, 12–13 November 2014.
35. Eaton J. Foreign Public Capital Flow. In: H. Chenery and T.N. Shrinivasan (eds.). Handbook of Development Economics. — Vol. II. — Elsevier Science Publishers B.V., 1989. — P. 1306–1386.
36. Hagel J., Brown J. S. Institutional innovation. March 12, 2013 [Electronic resource]. URL: <https://dupress.deloitte.com/dup-us-en/topics/innovation/institutional-innovation.html>.
37. Haque U. The Institutional Innovation Manifesto // Harvard Business Review. — September 23, 2010 [Electronic resource]. URL: <https://hbr.org/2010/09/the-institutional-innovation-m>.
38. Holden A. J., Braun S. D., Lee L. I., Phepls A. W., Samuelson L. I. Catalyzing Public Sector Innovation. A Report from the Deloitte Center for Government Insights. — Deloitte University Press, 2017.

39. *Mamadouh V., De Jong M., Lalenis K.* An Introduction to Institutional Transplantation // University of Thessaly, Department of Planning and Regional Development. Discussion Paper Series. — 2003. — No. 9(13). — P. 273–291.
40. *Moulaert F.* Social Innovation: Institutionally Embedded, Territorially (Re)Produced. In: D. MacCallum, F. Moulaert, J. Hillier, & S. Vicari Haddock (eds.). *Social Innovation and Territorial Development*. — Ashgate: Farnham, 2009. — P. 11–24.
41. *Moulaert F., Ailenei O.* Social Economy, Third Sector and Solidarity Relations: A Conceptual Synthesis from History to Present // *Urban Studies*. — 2005. — No. 42(11). — P. 2037–2053.
42. *Murray R., Caulier-Grice J., Mulgan G.* *The Open Book of Social Innovation*. The Young Foundation, 2010. — 222 p.
43. *Raffaelli R., Glynn M. A.* *Institutional Innovation: Novel, Useful and Legitimate*. — Boston: Harvard Business School, 2013.
44. *Rostowski J.* Institutional Transplants in the Transformation of Poland's Economy and Polity / *Studies and Analyses CASE*. — No. 339. Warsaw, May 2007. — 25 p.
45. *Stiglitz J.* Scan Globally, Reinvent Locally: knowledge Infrastructure and the Localization of Knowledge. In: Diane Stone (ed.) *Banking of Knowledge. — The Genesis of Global Development Network*, 2000. — P. 24–43.
46. *Westley F.* *The Social Innovation Dynamic*. Working Paper, Social Innovation Generation. — University of Waterloo, 2008.

Информация об авторе

Кац Ирина Семеновна — кандидат экономических наук, Институт экономики УрО РАН, научный сотрудник Центра экономической теории (Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: Irina_katz@mail.ru).

Katz I. S.

The Evolution of Institutional Innovation in Public Sector

Keywords: *institutional innovation, social innovation, public sector, social interactions, public goods, evolutionary dynamics, social function, institutional analysis, institutions, welfare state, social crisis, mechanism of institutional innovation, generation of institutions, the transformation of institutions, the transplantation of institutions, non-profit organizations, globalization, socially-oriented activities*

The article considers the evolution mechanisms of public sector institutional innovation development. The article deals with the historical dynamics of the public sector institutional structure. The author determines the key stages of institutional changes and identifies the most significant institutional innovations. The author specifies the mechanisms of generation and development of institutional innovations, among which are the reasons, incentives, and obstacles for the implementation of institutional innovation. I consider the main stages of institutional innovations development and dissemination, as well as the life cycle of institutional innovation. In the article, I focus on the institutional innovation elaboration mechanisms such as transplantation, transformation and generation. The specifics of the institutional innovation elaboration mechanisms are defined and a comparative analysis is undertaken. The analysis allows specifying the advantages and disadvantages of each approach to specific political and economic conditions. The role of civil society in elaboration and application of institutional innovations in the public sector is outlined. The author identifies the main participants of innovative activities and systematic institutional forms of their interaction. I study the role of nonprofit organizations and their socially oriented activities that improve the efficiency of public sector. The key trends of modern public sector institutional dynamics such as crowdfunding and fundraising are considered.